

18+

МИХАИЛ ЧЕПУРНОВ

**НЕ БЕЙ
В БУБЕН.
ЧАСТЬ 1.
БРАТСТВО**

Михаил Чепурнов

Не бей в бубен. Часть 1. Братство.

«Издательские решения»

Чепурнов М.

Не бей в бубен. Часть 1. Братство. / М. Чепурнов —
«Издательские решения»,

Лёгкое, мультижанровое приключенческое произведение, которое начинается в наше время, но постоянно «ныряет» в прошлое и балансирует на стыке жанров — фэнтези, криминал, фантастика, исторические мифы и реальные истории. В повествовании переплетаются выдумки и факты — научные, исторические. Главный герой — журналист Олег чья неуёмная фантазия превращает его работу в конгломерат из реальных фактов, общеизвестной информации из интернет-ресурсов и общения с другими героями и выдуманных им событий.

Не бей в бубен. Часть 1. Братство.

Михаил Чепурнов

© Михаил Чепурнов, 2026

ISBN 978-5-0071-3436-1 (т. 1)

ISBN 978-5-0071-3437-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Самолёт летел изумительно мягко, словно летающий ковёр. Не было посторонних звуков, непонятных шумов, гудений; не было тряски, подпрыгиваний, неожиданных провалов в пустоту. За маленьким окошком иллюминатора было ясное, голубое небо и ярко-белые, залитые светом облака вдали. Олег благодушно взирал на слонявшихся до туалета и обратно пассажиров, рассказывал своей жене Верочке о том, что он до сих пор не верит, что Аральское море (не главная, но интригующая его цель их путешествия) исчезло. Он перелистывал в памяти яркие, детские картинки из альбома памяти, загруженные счастливым, безмятежным детством, в котором он жил на берегу этого моря с родителями-геологами, купался в очень солёной воде, обгорал под ярчайшим узбекским солнцем и обдирал потом смешно шелушившуюся, словно у молодой картошки кожу; вдыхал сочный, густой запах минералов, рыб и растений — того морского ветра, за которым каждый год гоняются все жители больших городов, хоть раз познавшие его даже не запах, а вкус.

— Не укладывается в голове. Кажется, что это враньё какое-то. Умом ещё могу понять, а стоит закрыть глаза... Нет, не могу поверить! Как это — МОРЯ — может не быть! Чушь.

Родители Олега переехали в Москву в семьдесят девятом году, потом он пошёл в школу, в институт, и больше на Арале с тех пор не был. И вот сейчас, когда ему уже немного «перевалило» за пятьдесят, он предложил Верочке всё-таки проверить на месте, как обстоят на самом деле дела. Кроме этого, была и другая, не менее, а скорее более важная цель этого путешествия, но она была связана с работой, поэтому о ней пока что не очень хотелось говорить.

— Помнишь, как мы летали, ой, когда это было? Года, наверное, четыре назад, в Иркутск, — весело посмеиваясь щебетала Верочка на ухо Олегу, — тот мужик, с сыном, рядом с нами. Как он сыну рассказывал, показывая в иллюминаторе, что вот, мол, мы сейчас над Окой, потом над Куйбышевским водохранилищем, а вот — Кама, а вон там Иртыш впадает в Обь...

— Да, и как он жутко покраснел, когда где-то над Енисеем объявили, что по техническим причинам самолёт приступает к посадке в аэропорту отправления, в Шереметьево, а летали мы четыре часа по кругу над Московской областью.

— А я подумала, пока слушала его, что он не меньше, чем доктор географических наук.

— Да и я тоже, — и они оба тихонько рассмеялись.

Так, без особенных впечатлений и долетели, что всегда — лучшая награда от Бога для путешественников.

Впрочем, впечатления начались сразу после полёта, при получении багажа. Именно картина получения багажа сразу дала понять, что Олег с женой, ну, или Верочка с мужем, в общем — оба они, оказались в совершенно иной цивилизации — в Средней Азии. Это была картина суеты и мельтешения, постоянного перемещения примерно сотни человек, облепивших ленту выдачи багажа ещё задолго до того, как на неё начали падать чемоданы. Всех в этот момент объединило одно — они смотрели на ленту. Пустая лента крутилась, брютеты в чёрных куртках и спортивных костюмах не могли устоять на месте и пяти секунд и перемещались

на более выгодные рубежи, особи и особы женского пола в разноцветных спортивных костюмах и по большей части с золотыми зубами, эмоционально разговаривая по видеосвязи, тоже выискивали позицию поудобнее, не отрывая тревожных взглядов от чёрного квадрата на белой стене, из которого только минут через тридцать стали лениво выпадать долгожданные одинаковые чёрные чемоданы, черные сумки и обмотанные стрейчем коробки. Багаж поехал, и особенно нетерпеливые стали залезать на ленту, хватать эти чемоданы, коробки, сумки, откидывать чужие, ненужные им, которые они безошибочно определяли по одним, только им ведомым, признакам. Олег стоял в метре от багажной ленты и в этот метр, прямо перед ним набилось четыре человека — с видом людей, занятых делом, серьёзных, знающих жизнь, в противоположность праздно стоящему посреди аэропорта туристу, бездельнику, человеку неправильному, несолидному. Наблюдая за этим муравейником и вспоминая сотни аэропортов по всему миру, в которых получал багаж, Олег развеселился — он действительно видел такое впервые. В конце концов вытянув свои чемодан и сумку из толпы, как рыбаки после долгой борьбы с крупной, сильной рыбой вытягивают из моря заветный трофей, Олег и Верочка пошли на выход. Немного странным показалось то, что справа к выходу стояла толпа тех же людей, но уже со своими чемоданами, сумками и коробками, чтобы предъявить их таможенникам, также стоявшим толпой возле багажного сканера, а слева не было ни таможенников, ни толпы, ни сканера, ничего — свободный проход, где Олег с Верочкой спокойно вышли на улицу. На тёмной и теплой площади перед аэропортом им открылось очередное впечатление — и вновь это была человеческая толпа — метрах в пятидесяти от выхода из аэропорта. Эта толпа колыхалась, выкрикивала имена или просто непонятные звуки, и почти у каждого в руках была бумажка или картонка с какой-либо надписью, что издалека напоминало войско с небольшими щитами, ставшее в оборонительном порядке.

— Нас, Верочка, должны встречать с табличкой Олег/Вера. Могу поспорить, что такой таблички мы здесь не найдём.

Верочка посмотрела мужа и улыбнулась.

Таблички «Олег/Вера» не было. Две медленных прогулки слева направо и справа налево результата не принесли. Потом Верочка разглядела в толпе сразу двоих азиатов со знакомой фамилией, правда нацарапанной шариковой ручкой на коричневом клапане, оторванном от картонной коробки. В фамилии были две ошибки. Спросили. Оказывается, да, эти двое встречают как раз Олега и Верочку.

— Здравствуйте, вы точно встречаете нас?

— Здравсьте. А вы кто? Из Москвы? Ага! Да! Пойдёмте в машину.

Погрузились в машину, сели на заднее сидение. Эти двое ушли, сказали: «сейчас-сейчас». Через минут десять пришёл другой, то есть не из тех двоих человек, тоже азиат.

— Здравсьте. Вы из Москвы?

— Да, это мы.

— О! О, хорошо, сейчас поедem.

— Нам бы деньги поменять, можем мы заехать в обменник?

— О-о! Да-а. Сейчас заедem.

Верочка и Олег обменялась обожающими взглядами.

Широкий, невероятно чистый, освещённый проспект мгновенно сменился теменью, лишь слегка ограниченной по бокам серыми силуэтами одноэтажных домов, подсвечиваемых фарами машины, да кое-где во дворах светились фонари самого холодного из возможных цветового спектра.

— Сейчас, сейчас.

Водитель завернул ещё раз, на улицу, на которой уже и асфальтовой дороги не наблюдалось, и остановился.

— Сейчас, сейчас. Сколько вы хотите поменять? У вас доллары? Рубли?

— Доллары. Пятьсот. Это нормально?

— Сейчас, сейчас. Да, нормально.

Водитель вышел из машины и пошёл к дому, напротив которого они остановились. Он постоял возле калитки. На улице было абсолютно, как-то даже первобытно темно, ни в одном доме не горел свет, и кроме света автомобильных фар ничего больше не светило.

— Его дома нет. Сейчас поедem к другому, он должен быть.

— Кого нет? К кому едем?

— А, это валютчики. Доллары же менять. Нужен валютчик.

— А, я понял, банки уже не работают, поздно, может в обменнике в городе сможем поменять?

— Да, конечно, сейчас-сейчас, праздник, Навруз, три дня всё закрыто, валютчики только поменяют, нет разницы.

Возле дома другого валютчика стояла чёрная тонированная девятка.

— Посмотри, цветочек, машина времени какая-то, тихо сказал Олег. — Прямо девяностые.

Водитель опять вышел, опять постоял у калитки, но на этот раз в доме ледяной лампой засветилось окно. Их машина остановилась прямо напротив окна и очень хорошо было видно, что за окном нет никого и ничего. Комната была абсолютно пуста.

— Дома. Давайте деньги. Со мной ходить не нужно, я всё сделаю.

Олег отдал водителю 500 долларов. Водитель ушёл и спустя минуту можно было наблюдать его в той же освещённой комнате, словно в аквариуме, только он не плавал, а стоял и с кем-то, кого было не видно, разговаривал.

— Выходит. Надо будет пересчитать, здесь можно чего угодно ожидать. Представляешь, сейчас вынесет мешок денег! — пошутил Олег, но водитель, открыв заднюю левую дверь, действительно просунул в проём объёмный пакет с пачками банкнот, перевязанных резинками.

— Откуда ты знал? — удивилась Верочка.

— Да откуда же я мог знать, я же пошутил, — не меньше удивился Олег.

— И что, будешь пересчитывать? — на ухо Олегу шепнула жена.

— А какой же у вас курс? — спросил Олег водителя.

— Курс самый хороший, — ответил водитель, достал телефон и набрал на экране некое многозначное число. — Получилось шесть с половиной миллионов сум, приблизительно, очень хороший курс — он умножил на калькуляторе телефона и показал Олегу семизначное число.

Олег уже более внимательно стал разглядывать содержимое пакета. Пачки ветхих купюр будили фантазию о сказочных богатствах и всемогущих баях-богачах.

— Как же вы их считаете? По весу?

— Зачем по весу? У нас никто никого не обманывает, все люди честные, Аллах всё видит, нельзя обманывать.

Когда доехали до отеля, который оказался в другой части города, Олег поинтересовался у водителя, сколько он должен за помощь в обменной операции и несколько удивился, переводя произнесённую водителем сумму в доллары. Получилось три доллара. Тут Олег понял, что этого мешка с банкнотами им хватит надолго, и не удержался — заселившись в номер вытряхнул мешок на столик и сделал фото образовавшегося сооружения. Это была несомненно сказочная куча денег.

2

Первое журналистское расследование Олегу поручили пятнадцать лет назад. Он не пошёл по стопам своих родителей-геологов, хотя все возможности были, а поступил на факультет журналистики, и после всех передышек перестройки и постперестройки, работал в интернет-издании «Настоящая Правда», довольно популярном у патристически ориентированных слоёв населения, возрастом «пятьдесят — шестьдесят плюс». Расследование было довольно

простым и омерзительно очевидным. Собственно говоря, расследовать было особо нечего, но попрактиковаться было необходимо.

Суть дела была такова. В дебрях Саянских хребтов есть священное для бурят место с целебными источниками в долине реки Шумной. Веками там камлали шаманы, молились православные, как новых, так и старых правил и лечились от болезней с помощью целебных вод и веры в исцеление от этих вод на ста или даже более источниках. Легенда гласила, что охотник ранил изюбря, долго его преследовал, и раненый зверь привёл охотника в Долину Духов, напился воды из одного источника, искупался в другом, и был таков — убежал, исцелившийся от ран. Поэтому даже несмотря на то, что от ближайшего населённого пункта скорым ходом идти до священной Долины было дней пять, а с рюкзаками, больными, немощными, да или просто с детьми — не меньше недели, народ туда упрямо шёл. Шёл, брёл, ковылял через горы, реки, по тропинкам, без связи, без карт, многие просто наобум. Какие-то люди гибли по дороге, какие-то гибли уже на месте от голода или недугов своих. На территории Долины было построено несколько зимовий и в сезон в них набивалось по несколько десятков человек — зимовья были общие, заселиться в них мог любой желающий. Так продолжалось годами, десятилетиями, Долину изрядно загадили, местные бороздили Долину на лошадях, количество людей, конфликтов, мусора, а также погибших и пострадавших год от года росло.

И вот, территорию на склоне горы, непосредственно примыкающей к Долине, на 49 лет взял в аренду у заповедника один бизнесмен. Бизнесмен не из девяностых годов, с которым «всё понятно», а уже из новой формации, из нового времени, имеющий честный бизнес — деревообрабатывающий завод. А так как леса в тех краях было, как говорится, больше, чем у дурака махорки, бизнес при хорошей организации приносил весьма приличные доходы. Когда-то батя в летние каникулы привёл его в Долину, и с тех пор маленький Арсений в неё влюбился. И действительно, в сказочно красивую Долину, где два рукава реки, огибающие горы, сливаются в единый грохочущий поток, а вокруг горы, снежники, первозданный лес кедровой сосны, горячие, холодные, радоновые, сероводородные, железистые и прочие минеральные источники, булькающие грязевые и прозрачно-голубоватые радоновые ванны — во всё это чудо невозможно было не влюбиться! Арсений был здесь и позже, несколько раз ходил пешком тем самым, трудным путём и видел, как Долина медленно, но неизбежно превращается в помойку. Костры, порубки, окурки, банки, бутылки, человеческие погадки, бумажки, салфеточки, газеточки — знакомые признаки присутствия людей. Душа Арсения заныла, заболела, и он решил это исправить. На арендованном склоне горы он построил маленькую турбазу: домики, столовую, баню, туалеты, душ. Стройматериалы, рабочих, продукты и всё необходимое завозили, а точнее — забрасывали на место только на вертолётах. Обратными рейсами вертолёты уносили тонны мусора, которые Арсений собирал вместе с рабочими параллельно со строительством.

И база получилась. Получилась сказочной, получилась невероятно тёплой, живой, удобной. На базе забилося сердце её создателя. А создатель потратил и продал всё, влез в долги и кредиты, провалился в яму финансовых кризисов, курсов валют, подорожаний и форс-мажоров, но база обязана была начать работать вопреки всему. На открытие прилетал и.о. губернатора со свитой и прочая административная челядь, все даже не уместились в один вертолёт, поэтому Арсений вынужден был оплачивать два; базу открыли, приняли, похвалили. Стали прилетать туристы — туристы состоятельные, способные купить билет на вертолёт, который осуществлял один регулярный рейс в неделю — привозил и увозил туристов, попутно завозил всё необходимое и забирал мусор. Полюбили базу и чиновники, сотрудники различных органов, коих у нас одних только названий не перечислить. Ожила, задышала полной грудью благодарная, вычищенная Долина, сказка стала реальной...

Но, по правилам сказки, здесь тоже появился Змей-Горыныч. Однажды прилетевший на своём собственном вертолёте (точнее на вертолёте одной из чрезвычайных служб), зять и.о. губернатора, высокосидящий чин надзорных органов Филин предложил Арсению переписать

базу на него. Не то, чтобы сразу предложил, а прилетал он на базу уже с десяток раз, всегда с парой «девочек» секретарш-массажисток, и посетив с ними баню, уже не раз заговаривал с Арсением, как же ему нравится его база, и как бы он хотел вот такую же. В общем, вёл разговоры вокруг да около. А тут прилетел, пригласил Арсения в домик «на разговор», и прямо заявил, что хочет, чтобы база стала его.

Странное чувство тревоги не покидало Арсения в тот день с утра. Дело в том, что ещё одним его делом был магазин с самыми необходимыми товарами, как-то соль, сахар, спички, простые продукты, которые можно быстро приготовить, да и прочая всякая всячина, которая может понадобится людям, пришедшим в Долину пешком с тяжёлыми рюкзаками и не имеющими возможности (или желания) прилететь сюда на вертолёт. Понятно, что магазин, как и вся база, обеспечивался товаром только вертолётного завоза, поэтому цены в магазине были выше, чем в городе. Однако, пришедшие в магазин пешеходные туристы устроили сегодня утром скандал, потребовали позвать Арсения, и когда он пришёл, стали оскорблять его, орать, требовать, чтобы продукты им отдали бесплатно, что они с детьми голодают, а он наживается на них и специально открыл такой магазин, чтобы последние их копейки отнять. Громче других голосила и оскорбляла Арсения молодая, неопрятная баба в грязноватом спортивном костюме, которая уже дважды пыталась продать Арсению свои женские «прелести» за две пачки сигарет и бутылку водки, хотя для охранников базы её тариф был существенно меньше. Арсений недолго послушал, велел магазин на сегодня закрыть и ушёл. Какие-то бабы ещё недолго поорали ему вслед, но не видя перед собой объектов для дальнейших возмущений, разошлись. Основная же причина постоянных народных недовольств заключалась в том, что в магазине нельзя было купить ни алкоголь, ни сигареты. Арсений ввёл в Долине сухой закон, спиртное не завозил, и на базе распитие было также строго запрещено, о чём туристов предупреждали заранее. Вот чего народ не мог понять! Не может быть магазина без водки, таких магазинов не бывает! Однако Арсений крепко стоял на своём, поэтому конфликтов на почве пьянства в Долине почти не было. Трудно было всё-таки притащить на себе большой запас «алкашки», все запасы выпивались обычно по дороге. Кстати, пожаров из-за курения тоже не было, да и окурков, разбросанных по Долине, было немного.

Предложение Филина о передаче базы «по-хорошему» Арсения не обрадовало. Даже как-то странно было отвечать, подбирать слова, отвергать эту очевидную нелепицу. Но Филину предложение нелепым не казалось. Филин был ВЛАСТЬ, все его друзья были ВЛАСТЬЮ, его тесть был ВЛАСТЬ, генеральный прокурор области был его школьный друг, поэтому он-то хорошо понимал, что Арсений против любого его желания — вошь, коммерс дрожащий. Повелит — не только базу отпишет, но будет на коленях ползать, умолять, чтобы взял. Филин с «девочками» улетел и дал понять, что отказов он не приемлет.

И завертелось. Вся прокуратура в полном составе работала только на то, чтобы собрать материал на Арсения. Другие дела были заброшены, похерены. Обвинительные материалы по делам реальных преступников — убийц, насильников, мошенников и воров были недостаточными и стряпались на скорую руку, обвинения рассыпались в судах, все сотрудники прокуратуры были заняты только одним делом — делом Арсения. Колоссальная деятельность прокуратуры по «отжатию» базы сублимировалась в более чем пятидесяти томах уголовного дела. Материалы были самые разные, список мероприятий впечатляющий. На базу прилетал ОМОН, всех отдыхающих в то время на базе выводили из домиков, их обыскивали, домики переворачивали «вверх дном». Обыскивали столовую, баню, туалеты, администрацию, залезали в каждое дупло. Увезли все бумаги, составили протоколы. Пока Арсений был на базе, с обыском пришли в его дом в городе, где в то время была его беременная жена с детьми. Она испугалась, не хотела открывать, пыталась дозвониться до Арсения — выбили кувалдой дверь, её и детей забрали в КПЗ. Товарища и компаньона Арсения, Сашу Карпова, весельчака и балагура отправили под арест, пытаясь получить необходимые показания. Да и вообще, было сделано

много, невероятно, удивительно много работы, и когда Олег изучал материалы дела, она никак не умещалась в рамки здравого смысла.

Судебные заседания длились почти два года. Итогом расследования деяний «преступной группы по предварительному сговору с целью осуществления незаконной деятельности» стало: обнаружение курятника на территории базы, что привело к невозможному экологическому ущербу заповедника; находка привады на медведя с тухлым мясом внутри двухсотлитровой бочки в пяти (!) километрах от базы, что доказывало явно браконьерские цели преступной группы, возглавляемой Арсением; зафиксированные и подтверждённые многочисленными свидетелями факты, связанные с нарушением прав граждан, отдыхающих в Долине в виде ущемления прав местных жителей (здесь были развёрнуты с ног на голову все благие начинания и попытки навести в Долине порядок); туалеты и душевые не соответствовали нормам, которых не было вообще, и нормы эти изобретались и подсовывались в дело на ходу; даже дрова рубили в непопавшем месте. Кроме нескольких недовольных пеших туристов, местных жителей, которым запретили уродовать Долину поездками на лошадях вне троп, а также одного вороватого бывшего сотрудника базы, никто против Арсения показаний не дал. Однако, несмотря на ничтожность доказательной базы, постановление о закрытии базы «по закону» не стало сюрпризом ни для одной из сторон. Оставалось только покориться...

3

Утренняя, залитая солнцем Хива была восхитительна и свежа, как стайка смуглолицых узбекских девушек. Утро начиналось роскошным завтраком на крыше мини-отеля, откуда весь древний город был как на ладони. Олег затолкнул в карманы жилета два брикета банкнот, ещё не вполне понимания, много это или мало, и они с Верочкой отправились на встречу с экскурсоводом. Экскурсовод был уже в лобби отеля, это был брюнет средних лет с интеллигентным смуглым лицом хитрого и умного человека, знающего себе цену и готового это знание продемонстрировать в любой ситуации.

— Уважаемые гости, — торжественно начал экскурсовод, — я, ваш гид Ойбек благоговейно приветствую вас в сердце жемчужины Хорезмского Оазиса — внутреннем городе Хивы, в старинном квартале Ичан-Кала, признанном ЮНЕСКО ценностью общечеловеческого значения и являющегося крупным и значительным очагом мировой цивилизации, насчитывающим уже более двух с половиной тысяч лет!

— Начало грандиозное, — прошептал Олег жене, — мне нравится.

— Уважаемые гости, вам несказанно повезло, — продолжил Ойбек, — оказаться здесь именно в этот праздничный день! Сегодня национальный праздник — Навруз, он отмечается как начало нового года по астрономическому солнечному календарю. Праздник Навруз включен ЮНЕСКО в список нематериального культурного наследия человечества и широко отмечается в нашей стране и здесь, в Хиве!

— О да, уважаемый Ойбек, — в тон экскурсоводу сказал Олег, — мы про праздник уже очень хорошо поняли, когда вчера пытались обменять валюту.

— Да, действительно, ни банки, ни другие государственные учреждения не работают три дня. В Хиву съезжаются на праздник люди отовсюду, из самых дальних областей, вы сейчас сами всё увидите!

Неторопливым шагом в сопровождении экскурсовода Олег и Верочка двинулись осматривать достопримечательности.

— Уважаемые гости, легенды говорят нам о том, что город вырос вокруг колодца Хейвак, вода из которого имела удивительный вкус, а колодец был выкопан по приказу Сима — сына библейского Ноя, по другим источникам появление города связывают с именем библейского царя Соломона. Хива была одним из городов древнего Хорезма, мощного государства на западе Центральной Азии. Хорезмийцы хоронили кости умерших в оссуариях, — Ойбек

показал рукой на маленькие глиняные домики вдоль стены внутреннего города, — здесь вы можете видеть многие десятки разнообразных оссуариев.

Вдруг небольшая и тихая улочка, шедшая вдоль крепостной стены, немного повернула направо и мгновенно превратилась в огромную, залитую солнцем площадь и перед глазами Олега и Верочки возникла красочная, шумливая, и очень многочисленная толпа. Все куда-то шли, фотографировались, дети в красивых одеждах целыми классами позировали снимающим их на телефоны родителям, где девочки в разноцветных платьях и с обязательно украшенными огромными бантами косичках, а мальчики в костюмчиках и тюбетеечках выглядели сказочно счастливо. Люди всех возрастов, не отставая от детей, также были нарядными и возбуждённо общались, кто с кем. Было ощущение, как будто здесь снимается костюмированное кино. За воротами древнего города, которые Ойбек повёл осматривать, Олег сфотографировал картину, где тысячи белых автомобилей единственной марки «Шевроле» напоминали скорее сборище каких-то размножающихся жуков, нежели автомобильную парковку.

— Уважаемый гости, хочу обратить ваше внимание, что Хива была одним из важнейших мест, где проходил Великий Шёлковый путь.

— Меня этот Великий Шёлковый путь преследует везде, прошептал Олег на ухо Верочке, — куда не поедешь — везде он пролегал. Такое впечатление, что нет на Земле места, где бы не было этого пути.

— Ну, а может быть так оно и было? — прошептала Верочка в ответ, вернёмся в отель, надо будет погуглить и карту посмотреть.

Экскурсовод ушёл за билетами, при этом было видно, как он довольно энергично протискивается сквозь очередь, расталкивая стоящих в ней. Тут к Олегу с Верочкой впервые подошла небольшая группа школьников и их родители, полуокружила быстро организованным амфитеатром, родители ловко сделали фотографии на фоне Олега и Верочки и все они разбежались. Потом к ним стали подходить и другие люди, в основном молодые девушки в блестящих одеждах и платках и фотографироваться на их фоне. Когда вернулся Ойбек с билетами, он застал уже небольшую очередь, которая стояла к Олегу с Верочкой. Ойбек что-то угрожающе громко сказал, и очередь испарилась.

— Как я вам уже говорил, сегодня на праздник съехались люди из самых дальних и глухих мест. Некоторые из них белых людей, таких как вы, впервые в жизни видят. Потом эти фотографии будут у себя показывать, удивлять и хвастаться, может быть и не один год.

— Прикольно, — сказал Олег, — это, типа как в Алуште на пляже с обезьяной сфотографироваться.

— Совсем не обязательно, — парировал Ойбек, — для нас обезьяна низшее существо, фотография с ней это что-то стыдное, а белый человек европеоидной расы — это уже существо другое, параллельное, скажем так, это как с ценным охотничьим трофеем сфотографироваться. Вполне уже можно такой фотографией гордиться!

— Ойбек, Ваши аргументы впечатляют, не скрою. Стало даже как-то спокойно.

— Спасибо, но, уважаемые гости, предлагаю продолжить нашу экскурсию, и лучше больше не позволять в вами фотографироваться, не то нам и шагу не дадут ступить. Итак, сейчас мы направляемся в гарем султана.

И без того отличное настроение Олега улучшилось до превосходных степеней. Теперь он размышлял на все лады о том, что он является для окружающих его людей ценным и невиданным атрибутом праздника: при этом в основном он заглядывал в красивые девичьи лица и мысленно повелевал ими, некоторых даже провожал в свой собственный гарем... Размышления о гареме были яркими, откровенными, возбуждающими. В этот момент он даже забыл про Верочку, но это совсем не означало, что Олег не любил свою жену или они не любили друг друга. Олег и Вера были одним целым и не представляли жизнь друг без друга; они всегда, когда могли, были вместе, вместе проводили выходные дни и вместе ездили в путеше-

ствия, вместе завтракали, вместе ходили гулять, на выставки или в театр. Они не напрягали друг друга совсем, ну, совсем не бывает, конечно, так что почти совсем, и почти совсем не ругались — скорее их конфликты вызывались неожиданно возникающими в их головах фантазиях о возможных изменах или попытках провернуть интрижку на стороне. Конечно, хорошо зная о любовных похождениях Олега до свадьбы было бы трудно поверить, что сразу после свадьбы он «завязал»; и действительно, сразу он и не смог порвать со всеми своими холостяцкими привычками, но с годами он совершенно остепенился, лишь изредка позволяя себе флиртовать, скорее для поддержания формы и самоидентификации. Верочка, конечно же, ничего не об этом не знала, Олег был осторожен и очень дорожил Верочкой и никогда бы не простил себе, если бы что-то её расстроило. Во многом знании много печали — и Олег не позволял своей обожаемой жене много печалиться. В общем, фактов у неё не было, а догадки — они догадками и оставались. Когда они поженились, ей не было и двадцати, Олегу не было тридцати, это была любовь стремительная и сумасшедшая, но им повезло — для обоих это была не первая любовь, которая обычно ничем хорошим не кончается, это была любовь двух молодых людей, в крови которых уже блуждали антитела прививки первой любви. В первую же ночь Верочка заявила возлюбленному, что сегодня он может совершенно точно ничего не опасаться и не предохраняться, она точно не забеременеет, поэтому их встреча закончилась Верочкиной мгновенной беременностью, свадьбой, венчанием и рождением дочки. Все были абсолютно счастливы, влюблены и не высыпались, так как маленький новорождённый человечек очень громко и пронзительно кричал. Когда дочка немного подросла и пошла в садик, Олег настоял на том, чтобы Верочка не сидела дома, а занялась каким-либо делом, желательно интересным, и не для того, чтобы приносить домой деньги, а скорее для того, чтобы не потеться, сидя дома варя борщи, а расти, чувствовать себя самостоятельной личностью и не зависеть от мужа. Так понемногу, пробуя сначала курсы ландшафтных дизайнеров при Биофаке МГУ, потом получив второе образование в МАРХИ, и окончив прочие полезные и бесполезные курсы, Верочка стала очень хорошим, крепким и востребованным профессионалом, который отправляясь утром на работу, переступив порог квартиры, становился уже Верой Сергеевной, а Верочкой она была только дома. Окружающим, особенно мужчинам, Вера Сергеевна нравилась. И правда, она была красивой — сначала девчонкой, потом уже и женщиной, она следила за собой подчёркнуто безупречно, привлекала мужские взгляды всю свою жизнь, в общем была хороша и представляла собой тип русской красавицы, которая при этом могла ещё и коня на скаку, и в избу тоже, да и не только. Внимание мужчин не оставалась ею незамеченным, она всегда была внутренне готова это внимание поддержать — общением, беседой, эрудицией в любом вопросе — от классов защиты моделей бронежилетов, до энциклопедических знаний композиций и персонажей в творчестве Сурикова. Она была стройна, очень возбуждающе, но в меру аппетитна сзади, энергична, умна и счастлива. И была она счастлива именно с Олегом, и если и позволяла кому-то из других мужчин зайти немного дальше, чем следовало бы позволить замужней женщине, то было это не очень часто и сама Верочка выбирала — кому и что она позволит. В отношениях Олега и Верочки сохранялся устойчивый и равновесный счёт один-один, так как трудно было бы утверждать, что ни у кого из них «ничего не было», но и дальше никто заходить не собирался, они были абсолютно гармоничны друг с другом, и никто из них не собирался выигрывать — такой типичный «договорняк». Поэтому, по дороге Олег всё-таки позволил сделать несколько фотографий с ним особенно приглянувшимся ему девушкам из его фантазий; некоторых даже позволил себе приобнять. Особенно Олег похвалил себя за несколько фотографий с девушкой-инвалидом, её везла на старой, ветхой каталке пожилая женщина в чёрном, маленькая девочка шла рядом с ними и попросила Олега с Верочкой с ними сфотографироваться. Олег через Ойбека что-то спросил у пожилой женщины, та боязливо метнула взгляд на Олега, но потом согласно кивнула; Олег вдруг наклонился и вынул невесомую, лёгкую, словно бы она была сделана из веточек, девушку, взял её на руки и коллек-

тивное фото получилось удивительно трогательным. Супруги сказали несколько тёплых слов девушке и пожелали избавиться от недуга.

В гареме султана Олега больше всего поразили истории про изощрённость способов покушений и убийств неугодных султанов; особенно способ, когда тело наложницы покрывалось ядом, который убивал султана, что уж там говорить о наложнице. «Женщина — расходный материал в мужских играх во все времена» думал Олег.

— Уважаемые гости, — продолжил Ойбек, — предлагаю пройти по центральной улице внутреннего города к торговой площади.

Вся центральная улица представляла собой движение — одной толпы навстречу другой толпе, причём люди эти постоянно перемешивались, постоянно останавливались, подходили к бесчисленным торговцам, лавкам с товарами, или просто глазели на то тут, то там возникающие архитектурные красоты; некоторые просто стояли посреди этого движения и разговаривали. Почти в каждой лавке сидели, стояли, читали, ехали на осликах, пили чай на дастарханах по двое, трое, четверо, пятеро человек, миллионы маленьких керамических дедушек в национальных халатах и тюбетейках на любой вкус. Самым популярным персонажем был конечно, Хаджа Насреддин. Олег с Верочкой не удержались и купили несколько дедушек с наиболее симпатичными лицами и красивыми халатами. Когда они вышли на площадь, они увидели чудо. Это были сотни, тысячи сюзанае — разложенные по всей площади, развешанные кругом, невероятных расцветок и потрясающе красивых — цветочная поляна, оазис, волшебный, красочный мир. Верочка была потрясена.

— Боже, какая же красота! Придётся здесь что-нибудь купить, — сказала она мужу.

— Но, судя по твоим глазам, ты хочешь купить здесь всё! — заметил Олег.

— Похоже, что да. Интересно, почему я никогда не встречала такого в Москве? Ойбек, Вы не знаете?

— Честного говоря, не знаю, может быть дорого везти, Россия, особенно Москва для нас далеко и дорого. Возможно, надо ещё какие-то пошлины платить. Но, уважаемые гости, после обеда у вас будет время для самостоятельного осмотра внутреннего города и торговых рядов, сейчас предлагаю вам посмотреть на этот минарет — Ислам Ходжа, самый высокий минарет в Хиве, высотой пятьдесят шесть с половиной метров, который является вторым по высоте минаретом в Средней Азии, на первом — минарет Кутлуг -Тимура в Туркменистане, однако, он выше этого всего на три с половиной метра. Уважаемые гости, наша экскурсия подходит к концу, сейчас я провожу вас лучший ресторан в старом городе. Кстати, вот удивительная лавка с сюзанае, халатами и всем, что вам может быть интересно. Здесь есть и современные изделия, есть антиквариат, есть сундучные ткани и...

— Сундучные, это какие же? — немного нетерпеливо перебила экскурсовода Верочка, уже возбуждённая предвкушением выбора товаров в лавке.

— Это ткани, которые хранились в сундуках долгие годы, в качестве инвестиций, или на чёрный день, или на свадьбу, в общем на все случаи жизни. Там могут быть старинные, но при этом ни разу не надёванные халаты или платья, платки, не разу на постеленные на стол скатерти, ну или просто ткани, всё что угодно.

Верочка проскользнула в лавку. Олег немного задержался, хотел ещё что-то спросить, как вдруг Ойбек быстро огляделся и спросил:

— Скажите, Олег, Вы не заметили, что за нами кто-то весь день, с самого утра следит?

Олег опешил.

— Да, вроде бы нет... Кто следит? Такая толпа, возможно ли это?

— Возможно мне показалось. Но я очень хорошо знаю местных — я каждый день вожу здесь экскурсии. Это не местные. Лица местных я могу хорошо идентифицировать, я узнаю лицо любого узбека или каракалпака, которых здесь сейчас большинство. В толпе я постоянно видел двоих, точно не местных. Судя по лицам — скорее славяне, но кожа смуглая, как у

людей, много проводящих времени на воздухе, да и одеждой отличаются... И вот что странно — стоит на них оглянуться, посмотреть — тут же исчезают, как будто в воздухе растворяются.

— Очень, конечно, странно, согласен. Может быть примерещилось?

4

По прибытии в Москву, Олег сдал материалы расследования в редакцию. Статья была острой, с обилием фактов и подробностей. Оставалось придумать название. Олег промучился с вариантами весь обратный рейс, и наконец два названия на выбор вспыхнули в голове уже на подлёте к Москве: «Чиновники N-ской губернии поедают бизнесменов» или «Друзья прокурора едят человека»

Главный редактор принял Олега только спустя две недели.

— Здравствуй Олег. Хочу сразу тебе сказать — материал ты собрал очень профессионально, я был приятно удивлён. А названия... Прямо скажу — любое могло бы сделать нам кассу...

— Владлен Михалыч, почему же могли? Не пригодятся? Другие придумывать? Я пять часов мучался!

— Ну да, ты же ничего не знаешь. Материал твой немного устарел. Вот, прочитай, — главный редактор вручил Олегу газету «Таёжный стриж», датированную позапрошлым понедельником.

«По данным „Стрижа“ в нашей области обезврежена преступная группа, которую возглавлял зять и.о. губернатора области Филин. В преступную группу входили высокопоставленные сотрудники прокуратуры. Целью преступной группы было незаконное завладение имуществом местных бизнесменов с использованием сфабрикованных уголовных дел. Ведётся следствие»

— Вот это да... Это какое-то чудо, — Олег даже голову почесал.

— Да, чудо, — ответил Владлен Михайлович, — так что теперь твой материал можно назвать только как-то вроде «Чиновники надкусили бизнесмена», ну или «Погрызли и отравились», — главный редактор улыбнулся, — Скажи-ка, Олег, ты когда встречался с этим Арсением, ничего не заметил? Какие-то странности в поведении, что-то необычное, может быть, тогда не обратил внимания, а сейчас, спустя время вспомнишь?

— В общем-то ничего. Я и встречался-то с ним всего два раза, практически мельком, недолго. Вот, правда, хотя...

— Что?

— Когда я видел его в первый раз, дело было ещё в самом разгаре, мы встретились, это был крепкий, живой такой человек, улыбался, был вежливый, приветливый. Я представился, рассказал, кто я, зачем приехал, рассказал про моё расследование. Он был... как бы это сказать... Он был спокоен, он был уверен в справедливости, был сильным. Очень тогда обрадовался, понял, что он не один, я пожелал ему удачи, он не жаловался, сказал мне, с кем ещё можно поговорить об этом деле, куда съездить. Произвёл впечатление очень позитивного, доброго, что ли, человека. А вот второй раз... Да, пожалуй. Второй раз я встретил его можно сказать случайно. Приговор уже был вынесен, я заканчивал материал, разговаривал в Долине с людьми, кто как относится к этому «делу», кто что думает. Конечно, практически все очень жалели Арсения, были ему благодарны за всё, что он сделал. Чистота и порядок в Долине, магазин, возможность принять душ или сходить в столовую, баню, в нормальный туалет — почти все понимали, чего это стоило ему. Другая часть туристов, несколько человек, но как всегда наиболее крикливые и недовольные — просто ненавидели Арсения за то же самое — в магазине дорого, ничего нужного не купишь (ну, то есть водки и курева), в душ сходить на базе 200!!!, баня 500!!! рублей, костры не даёт жечь, мусор заставляет собирать, местным на лошадях по Долине не даёт ездить! Зависть, ненависть, оскорбления. Конечно, хороших людей может и больше, но их почему-то никогда так не слышно... Я пошёл на базу, хотел пообе-

дать перед вылетом, и у столовой встретил Арсения. Я обрадовался, приветливо поздоровался, подал руку... И вдруг я понял, что это был как будто бы и не Арсений. Это был озлобленный, затравленный человек с пустым взглядом. Руки он мне не подал. Он сразу начал разговаривать со мной грубо, тыкать, говорил что-то вроде того: «Что ты здесь делаешь? Выискиваешь, разнюхиваешь ещё что? Мало тебе? Всё отняли, шакалы. Ну ничего, я теперь знаю, как с вами разобраться. Я УЖЕ знаю как. Я УЖЕ знаю, кто мне поможет!»

— Так и сказал?

— Так и сказал. Заорал на меня «Пошёл вон», ну и матом, матом... Я понял тогда, что разговаривать с ним бесполезно. Пока я летел обратно на вертолёте, я всё время думал про него, оправдывал... Было понятно, почему он видел в каждом врага — ему казалось, что он делает сказку для всех, но его возненавидели — казалось, что все, потому что люди орали ему проклятья гораздо громче, чем благодарности; у него забрали базу; его лучшего друга, его компаньона Сашу Карпова, который отказался его оболгать, сделали инвалидом — избили неизвестные хулиганы у магазина в Хужире, на Ольхоне; младший ребёнок стал заикаться после того, как прокурорский спецназ кувалдой выбивал дверь квартиры, где была его жена и дети; он почти потерял жену — в КПЗ у неё произошёл нервный срыв и она «поехала», не знаю, безвозвратно или нет... И всё это так быстро, такой короткий путь от счастья к такой рукотворной катастрофе... Наверное, поэтому я встретил тогда совсем другого человека.

Владлен Михайлович вздохнул.

— Кофе хочешь?

— Да нет, я наверное уже пойду.

— погоди. Вот, что я тебе расскажу, — главный редактор нажал кнопку на электрическом чайнике, — этого ты точно не знаешь. Этого не знает почти никто. В 30-е годы в Долине работала специальная экспедиция НКВД. Думаю, тебе не стоит говорить, что материалы её были тогда строго засекречены. Экспедиции как будто не было вообще. До прихода советской власти Долину, видишь ли, сторожили духи, а посторонних отваживали от неё шаманы, заставляя путников блуждать по окрестным лесам, горам, рекам и топям. Где-то недалеко, на границе с Монголией, обитал очень древний народ, предводительствуемый очень сильными, даже я бы сказал, невероятно сильными духовно шаманами. У них существовал обряд, который передавался по наследству, через поколение, от шамана-деда молодому, будущему шаману-внуку. Этот обряд знали только «чёрные» шаманы, то есть те, которые могли уходить в своих странствиях в мир мёртвых. Суть обряда была такова — в определённой последовательности шаман сопровождал человека в Долине Духов от источника к источнику. Человек должен был преклониться перед каждым, испить из него определённое количество глотков, прочитать вместе с шаманом заговор. Все сто тридцать источников нужно было обойти в течение ночи, с момента появления на небе первой звезды до первых лучей рассвета. Шаман при этом помогал найти источники, соблюсти последовательность и держал в руках неугасаемый светоч. На рассвете человек погружался в сероводородное глинистое болото, над ним камлал шаман, обряд завершался. Традиции были таковы, что ни один «чужой» человек не мог ни заставить, ни уговорить шамана провести обряд. Более того, только шаман мог выбрать человека, достойного, по его мнению, для общения с Духом Долины. Если человек был достоин, и обряд был проведён по правилам, человек мог просить у духа Долины всё, что угодно. Но плата за это заключалась в том, что человек больше себе не принадлежал и отдавал свою душу шаману. Как уж там потом рассчитывались между собой Дух Долины и шаманы, мы не знаем, но то, что шаманы действительно подпитывались этими ритуалами, известно доподлинно. Если отбросить всю мистику в виде предсказаний, путешествий в другие миры, заговоров, чудесных исцелений и прочих чудес, никуда не денешь факты — шаманы жили по сто тридцать — сто пятьдесят лет. Причем долгожителями они были именно через поколения от деда к внуку. Отцы и сыновья доживали обычно не более, чем до пятидесяти — пятидесяти пяти лет. После обряда человек мог полу-

чить любые сверхспособности — обычный мог получить силу, да такую, что кедр из земли мог выдернуть, военный начальник мог обрести дар непобедимости и сам мог победить любого врага в любой обстановке, правителю даровалось бессменное царствование... Но, душу, всё-таки, приходилось отдавать. Из-за этого человек становился пустым, и пустоту эту могли мгновенно заселить совершенно не свойственные ему до этого качества, почти всегда противоположные, человек действительно становился совершенно другим, неузнаваемым. И это далеко не всё, это только предыстория. Потому что потом началось самое интересное. Некие старообрядцы, не принявшие, как мы знаем, церковных реформ, образовали некое закрытое братство и тайно переселились в Долину. И смогли они этих шаманов как-то ассоциировать по пути своей веры, и шаманы стали членами братства. И все тайные знания шаманов стали тайными знаниями и великой силой братства, только уже без камланий и отдаваний души неизвестно кому; обряд также упростили, оставив только суть. Экспедиция НКВД работала там около года. Результаты... Результаты были странные. Состав экспедиции многократно восполнялся, так как погибло там в общей сложности около сотни человек: замерзли, отравились, были съедены медведями, заблудились, утонули, с ума сошли. Но в конце концов, и братию и шаманов всё-таки переловили и даже установили какие-то с ними отношения. Куда они потом все делись, не знает никто. Здесь можно только фантазировать. Но есть один факт — после отъезда экспедиции Долину стал охранять специальный пограничный отряд, и вплоть до окончания войны туда никого не пускали. Были слухи, что осенью 1941 года туда приезжал Жуков и несколько других высших военных начальников, и страстный охотник и рыболов Жуков добыл там трофейного тайменя весом в двести килограммов, а в девяносто девятом году там был сам, — и главный редактор показал пальцем на потолок, — под видом обычного туриста. Он, кстати тоже подарок от Духа Долины получил и тоже тайменя — но точный его вес неизвестен. В марте пятьдесят третьего года в Долину приезжал Берия, но, видимо его там не приняли, так и уехал. Что с ним было дальше, не буду напоминать. И это далеко не полный список тех, кто побывал в Долине, и интересный факт в том, что жизнь очень многих из них круто изменилась сразу после возвращения.

— Так, а Вы-то откуда про это всё знаете? Если это так секретно?

— Мой отец был научным руководителем экспедиции. Он рассказал мне всё это незадолго до смерти. Но, знал он не так уж и много, да и рассказ его был довольно схематическим. Это, видишь ли, не совсем та информация, которую можно вот так запросто вывалить на человека.

— И Вы полагаете...

— Я полагаю, что Арсений мог кого-то из этих братьев найти. Ну, или они могли сами обнаружиться. Именно поэтому ты мог встретить уже совершенно другого человека. И кстати говоря, выражение «место силы», которое сейчас пытаются прилепить все, кому не лень и к чему угодно, хоть к медвежьим погадкам — оно именно про Долину Духов. Так его называли ещё сто лет назад.

Владлен Михайлович встал, заварил по чашке растворимого кофе из вскипевшего чайника, поставил чашку перед Олегом, подвинул сахарницу, взял вторую чашку себе.

— Вполне возможно, что все перемены, которые я наблюдал, связаны именно с этим, поэтому Арсений меня оттуда прогнал, чтобы я побыстрее исчез. Ах, конечно я не мог тогда догадаться! Значит Вы думаете, что он нашёл этих братьев?! И это вот всё изменилось так мгновенно из-за этого?

Главред вдруг захохотал.

— Олег, я ж пошутил! Для журналиста ты уж слишком легковёрный! Я всё это только что прямо на ходу придумал! Тайменей, оленей, шаманов, отдавание души, Жукова, Берию! А папа мой был архитектором, и никогда не был в экспедиции НКВД, можешь проверить! Я на дух не переносу весь этот шаманизм, камлания, курения, бубны и бубенцы. Просто терпеть

не могу. Мы когда с женой были в Хакасии, нас там этим шаманизмом просто задолбали. Я на третий день уже не мог ни видеть, ни слышать ничего про это. Ты сделал отличный материал, мы его немного подшаманим, — он опять захохотал, — с учётом новостей, ну и заголовок всё-таки заменим. Отличная работа, Олег!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.